

Владимир Григоров
р.п. Куйтун

Свет Мамаева Кургана

«Дядя Ваня» – Иван Алексеевич Григоров. Тот же прищур глаз, слегка крыластый нос, выпяченная нижняя губа. А еще Золотая Звезда Героя Советского Союза на кителе и орденские планки. Легендарная личность и феноменальная гордость, тем более что фактически мой отец Александр Федорович Григоров, с печальным ярлыком сироты (мать умерла при его родах) воспитывался в семье дяди Вани и были они очень близки. Правда, судьба их раскидала на тысячекилометровые расстояния друг от друга, и впервые за долгие послевоенные годы они встретились в 1974-м, когда дядя Ваня навестил в непостижимо далекой для него Сибири племянника-сынка.

Яркая картинка минувшего: куйтунский вокзал, поезд «Ташкент-Иркутск», мы с братом Юрием прямо из вагона принимаем на руки гостя. Завернутая левая гача брюк, костыли, нехитрая поклажа, где выделяется огромная спелая дыня - привет из южного теплого края. Сутуловато высокий, с жилистыми крепкими руками, говорок с прикряхтыванием, шрам, стоивший глаза, оставленный вражеским снарядом. И такое родное, совсем отцовское лицо.

...62-я армия Чуйкова, в составе которой была и батарея деда Вани, узкой полосой прорезала обе воюющие стороны, захватив господствующий над огромной округой Мамаев Курган. Напрасно фашисты, практически захватив город, пытались сокрушить этот оплот обороны Сталинграда. Он оказался не по зубам им, наткнувшись на сверхчеловеческое упорство и несгибаемую волю советского солдата.

Герой Советского Союза
Григоров Иван Алексеевич
1914 г.р.

«К нам тогда поступили более современные 76-миллиметровые орудия, - вспоминал дядя Ваня в мирной и спокойной беседе на берегу. - Клинковые затворы новых пушек позволяли задираť вверх дуло градусов на 45 градусов. Это и навело меня на мысль вклепть по обнаглевшим немецким бомбардировщикам, нагло на бреющем полете пронсящимся над головами. Попросил разрешения у командира батареи, тот дал добро: «Попробуй! Допекли фрицы». Стрельнул вдогонку стервятнику раз, второй, и со второго сбил-таки».

Инициативу командира орудия Григорова тут же распространили по полевым батареям. Пыл фашистской авиации сразу подугас, а старший сержант-новатор получил за смекалку орден.

Эта природная смекалка выручила позже и при форсировании Буга. Десант с двумя орудиями на плотах переправился на западный берег и захватил плацдарм, отбив немцев вглубь их обороны. Расчеты Григорова и Гурьянова окопали орудия, рядом залегло боевое охранение, в окопах - пехотинцы. День клонился к закату, немцы, ошеломленные быстрым натиском, приходили в себя и перегруппировывались, готовясь сбить десант обратно в реку. Тревожные мысли не давали покоя, и Иван предложил соседу пристрелять орудия по стоявшим вдальеке скирдам соломы. Так и сделали.

Настала ночь. Не спалось артиллеристу, чуткое ухо уловило неясный шум впереди позиций, и он предложил Гурьянову дать залп зажигательными снарядами по скирдам. Вспыхнуло яркое зарево, осветившее наступающие цепи немцев, предпринявших ночную атаку. Оба орудия заговорили в полный голос, обрушив на головы фашистов разрывы начиненных шрапнелью снарядов. Дальше все мелькало, как в калейдоскопе. Бой нарастал с каждой минутой, доходя временами до рукопашной, стволы орудий раскалились от непрерывных залпов. Откликнулась на той стороне наша тяжелая артиллерия, загудели моторы танков, на помощь десанту бросились скопления готовящихся к развитию наступления советских войск. Опрокинув врага и не давая ему опомниться, погнали его на запад, вклинившись на десятки километров.

Оценку ночному бою впоследствии дало командование: два орудия, поднявшие ночной сполох, спасли фронтную наступательную операцию, не дав немцам сбросить наших с захваченного плацдарма. Обоих командиров, Григорова и Гурьянова, за этот подвиг удостоили звания Героя Советского Союза. Не часто столь высокие награды Родины доставались на долю артиллеристов ...

От Сталинграда дед прошагал до лета 1944-го. На груди его вместе со звездой красовались четыре боевых ордена. Не довелось только ему дойти до Берлина. В артиллерийской дуэли двух батарей с закрытых позиций снаряд накрыл его расчет. Самому командиру оторвало ногу, покалечило глаз. Так для него закончилась Великая Отечественная, оставив свои суровые отметины.

Волею судьбы под снарядный разрыв попал и племянник Александр, мой отец. Тяжелейшая контузия, повреждение тазобедренного сустава, мотание чуть ли не годовое по госпиталям. Два осколка крупновской стали навсегда застряли в его ноге, с ними он и покоится на кладбище в Куйтуне, не дожив и до шестидесяти. Правда, в какой-то степени повезло фронтовикам - родственникам: оба выжили в пекле боев, встретились не единожды после войны.

Тогда, в 76-м в Волгограде, мы с дядей Ваней не могли, конечно, знать, что и ему остался совсем короткий шестилетний срок пребывания на земле-матушке. Но прежде он еще раз побывал у нас в Сибири в гостях.

Время не в силах стереть это прошлое и память сердца. На всегда передо мной будет символом мужества и отваги пламенеть факел в тянувшейся из земли руке, олицетворяющий исходящий от героических наших защитников-сталинградцев свет. Свет Мамаева Кургана, предвестник необратимой и выстраданной Великой Победы, свет нашей благодарной памяти и наказ потомкам.

**Солдат-фронтовик А.Ф. Григоров отдал
служению Родине семь армейских лет**

Гармошка

В голове мелькнула ненужная мысль: «Налысо подстригли, также положено, вот и солдат...», а сама на ходу, протягивая чемоданчик, прошептала: «Серег, возьми, возьми, береги и храни. И ты только пиши, Серег, обязательно пиши. Я буду ждать».

... Все так живо стояло перед глазами, словно он, Сергей, ещё находится на железнодорожном вокзале и принимает эту дорогую ему ношу – маленький черный чемоданчик. За запотевшими окнами вагона мелькали вереницей деревья, в просветах косыми штрихами пролетали струи дождя. Враз посерьезневшие парни видели в этой туманно - влажной пелене отражение безвозвратно уходящего прошлого, которое с каждым в душе осталось наедине и удалялось тем дальше, чем ближе становился грядущий день.

«– Соколики! Быстренько сюда! – скомандовал сопровождающий, с орденскими колодками на кителе после военного пошива, молодежавый капитан. – Посмотрим, все ли у нас на месте». – Потом, когда убедился, что все в порядке, долгим внимательным взглядом обвел обступивших его новобранцев - призывников и неожиданно для них произнёс:

– А вы чего, собственно, приуныли, молодцы? Так, сколько тут у нас гитаристов? Ого! Аж четверо. Квартет, слушай мою команду: «Начинай»! Через пять буквально минут дружно и оживлено, руководимые «войкой» (как его уже успели окрестить острословы), парни участвовали в этом никем не запланированном концерте. От настороженности не осталось и следа, теперь они уже испытывали к своему «временному начальству» добрые сыновьи чувства и подчинялись ему с полуслова. Он стал душой этого вагонного коллектива.

– Не первый раз я вот так еду с вами, салажатами, – улыбнулся капитан. Сняв китель, он, в спортивной майке, сидел в кругу ребят совсем по-домашнему. – Каких только историй не случилось в дороге – не перечить. Однажды умудрились наши орлы – бычка с одной станции на другую перевезти. «Побаловались», говорят. Но один случай глубоко мне врезался в память. Так же, как и сейчас, помню, ехали мы в поезде. Были гитары, балалайки и даже пионерский барабан (чего только, шутки ради, в дорогу не брали). Прошло дня два. Наш оркестр перестал устраивать нас, и кто-то из стрижей, – рассказчик многозначительно бросил взгляд на головы парней, – предложил: «Купим гармошку». Купили. Всем вагоном деньги собирали, но купили. А кому играть? Некому. Конечно, так, чуть – чуть пиликать, а, чтобы по-настоящему – нет. Выгравировал наш художник - самоучка на ней имя «Берёзка». Да так, по существу, и лежала наша «Берёзка» мертвым капиталом.

– А, зря купили тогда, – не выдержал один из слушавших.

– погоди, погоди, не горячись. послушай, дальше.

После этой реплики ребята подобрались в ожидании сверхинтересного.

– случилось нам на одной маленькой станции стоять часа два. Высыпали, понятно, все из вагонов поразмяться, развлечься на свежем воздухе. Да и гармошку с собой прихватили. стоял по обыкновению стриж и поигрывал. Никто и внимания на него не обращал. Не заметили также, как тут мальчуган один затесался, лет одиннадцати. Босой, в старенькой одежонке и с густыми черными волосами на голове, он так увлечено смотрел на гармонь и такое огромное желание горело в его глазах, что даже, наверное, забыл и про девочку, прижавшуюся к нему и повторявшую одни и те же слова: «Не надо, не надо, пойдём, заругают ведь».

«Дяденька, дай я попробую...» – Его слова для всех явились громом с ясного неба.

Многие обратили внимание на мальчика и с поощряющими улыбками подбодрили его: «Покажи, пацан, класс, поучи дядю». И что вы думаете? Показал, оголец! Как он играл, как играл... Парни мои вошли в раж и давай заказывать ему одну песню за другой. Любой заказ был исполнен. И русские народные песни, и пляски, и современные мелодии. Казалось, что гармонь ожила в руках маленького чародея. Мы были просто заморожены, не замечали времени. Тут команда: «По вагонам!»! Мальчишка уже протягивал владельцам гармошку, как те разом, без сговора, побежали к поезду и оттуда крикнули: «Бери себе, слышишь, бери, дарим, играй!»! Он судорожно обхватил её руками и со слезами в глазёнках, без слов, повернулся и бросился бежать к одиноко стоящему домику. Пока не скрылось село, мы ещё видели этого парнишку с гармошкой и девочку, прощально махавших руками...

Минуту – две в вагоне было тихо. Кто-то робко предложил: «Робя, давайте купим гармошку». Тут же все разом согласно загомонили, закричали...

Сергей тихо достал с верхней полки черный чемоданчик, раскрыл и, протягивая его капитану, смущенно произнёс: «Вот...» На тусклой полировке лежавшей в чемодане гармошки отчетливо выделялись семь букв – «Березка».

1970 г.